

niczny, który tutaj poprzez metaforykę roślinną wtopiony zostaje w życie natury. Konstrukcja bowiem wg tej wizji jest duszą jednoczącą wszystkie składniki materii.

Książka Sienkiewicz to wykładnia specyficznego poglądu na literaturę, w myśl którego dzieło literackie jako odbicie określonej koncepcji ontologicznej i epistemologicznej jest zapisem "sposobu widzenia". Jeśli jest on niewidoczny - "przeźroczy" - nie można mówić o świeżości percepcji. Stąd przeświadczenie autorki o konieczności eksponowania w utworze stylu, typu deformacji, reguł widzenia - najlepiej odmiennych od ogólnie przyjętych. Egzemplifikacją tez autorskich a zarazem sprawdzianem przyjętej metody są badania wybranych powieści międzywojnia konfrontowalne z wypowiedziami krytyki literackiej tego okresu, czasem także z tekstami teoretycznoliterackimi samych twórców. Dążąc do przedstawienia sposobu wizualnej percepcji w poszczególnych utworach Sienkiewicz omawia wykorzystane techniki wizualne, sięga także do światopoglądów filozoficznych i estetycznych autorów. Książka jest świadectwem erudycyjnego przygotowania merytorycznego i wprawy metodologicznej - umiejętności łączenia analizy i syntezy historycznoliterackiej. Autorce udaje się przekonująco udowodnić tezę, że literatura, podobnie jak malarstwo, jest swoistym zapisem widzenia.

Monika Kurowska, Łódź

Czesław Andruszko
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ БАБЕЛЯ
ИСААКА ЭМАНУИЛОВИЧА
Wydawnictwo Naukowe UAM
(Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu. Seria Filologia Rosyjska,
Nr 28), Poznań 1993, 128 s.

Название этой монографии способно, быть может, ввести в заблуждение какую-то часть её читателей, ожидающих встречи с научной биографией писателя. Действительно, в первой главе Чеслав Андрушко излагает основные даты и события жизни И. Э. Бабеля, но делает это весьма лаконично. Был в российском и западном литературоведении период повышенного интереса именно к биографии создателя *Конармии* и *Одесских рассказов*. Факт этот легко объяснить: жизнь и творчество Бабеля, насильственно прерванные в конце 1930-х годов, затем почти двадцать лет замалчивались, да и позже не очень-то активно популяризировались. Впрочем, теперь, после появления биографических публикаций Л. Лившица, Ф. Левина, С. Поварцова, У. Спектора, Е. Краснощёковой и других критиков, а также ряда мемуарных очерков, многое в истории жизни писателя прояснено, и - тут можно согласиться с ожиданиями читателей - пришло время и для появления полной, целостной биографии И. Э. Бабеля.

Но у искушённого читателя и прежде всего у специалиста название книги Ч. Андрушко вызовет, в первую очередь, ассоциацию с названием одного из рассказов, составивших *Конармию*: *Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча*. Польского литературоведа занимает не столько описание жизни (жизнеописание) самого писателя, сколько бабелевское мастерство в описании жизни.

Поразительное художественное своеобразие прозы и драматургии Исаака Бабеля, вызвавшее ещё при жизни автора споры критиков, ещё не получили в достаточной мере литературоведческого осмысления. Вслед за трудами

Я. Салайчик, И. Смирин, М. Фридберга и немногих других исследователей, автор рецензируемой книги продвигается дальше по этому нелёгкому пути. Продвигается, избегая тривиальных решений и опираясь на достижения новейшей теоретико-литературной и культурологической мысли.

Три главы в монографии посвящены *Конармии* - её "историческому времени", философской теме и языку. Упомянув об отталкивании Бабеля от блоковского понимания истории как стихийного восхождения к духовности, Ч. Андрушко показывает, как в бабелевской концепции времени просматривается полярный принцип - "принцип стихийного движения к распаду и самоуничтожению". В композиции бабелевского времени усматривает литературовед установку на *Божественную комедию*. Данте, прежде всего - на первую её кантику. (Здесь впервые входит в размышления автора исследования проблема генетических связей русского писателя с проторенессансной и ренессансной традицией). Собственно ренессансное начало обнаруживает Ч. Андрушко в образности *Конармии*, в интерпретации темы донкихотства (стр. 26-27) и в некоторых других компонентах, объединённых единой концепцией времени, трактуемого как "содержание истории".

Другой важнейший источник бабелевской концепции времени, а соответственно - и бабелевской образности, по мысли исследователя, кроется в еврейской, главным образом, библейской мифологии. В разделе *Философская тема Конармии* диапазон источников бабелевской мысли и образности ещё более расширяется. Так, несомненный интерес представляют рассуждения об аристотелевском учении о двуединой сущности бытия, пришедшем через посредство Аверроэса к Маймониду и далее - к писателю XX века.

В культурологии бытует противопоставление двух принципиально различных творческих принципов, представленных ближневосточной "словес-

ностью" и греческой литературой. В русской науке это противопоставление рассматривалось в блестящем эссе С. Аверинцева, на которое ссылается и Ч. Андрушко. (Справедливости ради, вспомним, что аналогичную антитезу значительно раньше и, разумеется независимо от С. Аверинцева проанализировал Эрих Ауэрбах в своей книге *Мимесис*). В бабелевском восприятии древнемифологической мысли и образности, как показано в рассматриваемой книге, нет непроницаемой стены между столь равными культурными пластами; так, ветхозаветное и новозаветное начала, иудейское и христианское миропонимание оказываются совместимо важными для формирования художественного мира *Конармии*.

Об опоре Бабеля на разные традиции - на опыт европейского Ренессанса и "синкретическое еврейское наследие" интересно пишет Ч. Андрушко и в содержательной главе о языке "Конармии". При этом его интересует не бабелевская стилистика сама по себе, а стиль в соотношении с его бытийно-субстанциональным основанием. Отсюда повышенное внимание не только к слову, но и к образу, не только к образу, но и к его основанию в "историческом и интеллектуальном опыте". Заметим, что польский исследователь не только прекрасно чувствует необычную структуру бабелевской фразы, но при этом обладает и солидным операционным аппаратом для её конкретного анализа. В этой связи привлекают его размышления о приёме "повторённой метафоризации" в *Конармии* об аббревиации как "знаке усиленного распада" (с. 51), об аллегорической функции бабелевского сказа. Кстати говоря, наблюдения над функцией и особенностями бабелевского сказа точны и всегда уместны; да это и понятно: Ч. Андрушко - автор ряда серьёзных работ о сказе в русской прозе 1920-1930-х гг.

Самая объёмная глава монографии посвящена новеллистике писателя. Интересно, что на тех страницах, где речь

идёт об *Одесских рассказах*, стиль монографии – прежде тяготевший к суховатому аналитизму – как бы попадает подчас под воздействие орнаментальной бабелевской прозы. Впрочем, это нисколько не вредит исследованию, не снижает уровень аналитизма и воспринимается при чтении как явление вполне уместное.

Рассматривая рассказы Бабеля, литературовед снова показывает, как результирует взаимодействие разных, не близки исторически (да и эстетически) традиций. Это, например, традиция ренессансно-европейского искусства и еврейская культурная традиция, своеобразно интегрированные в *Одесских рассказах*, где читатель находит, по словам Ч. Андрушко, "живописно очерченное "ренессансное" пространство еврейского бытия" (с. 66). Интересны раздумья о взаимодействии новозаветных и ветхозаветных формы и содержания в *Одесских рассказах* в связи с историческим смыслом двух ключевых в этом цикле слов: "погром" и "налёт" (с. 70).

"Пристальное чтение" (close reading) прозы И. Бабеля стимулирует повышенный интерес исследователя к вопросам жанровой природы произведений писателя. Так, вглядываясь в специфику бабелевской короткой новеллы, новеллы-миниатюры, Ч. Андрушко полагает, что генетически связана эта миниатюра с еврейским анекдотом. Большой интерес представляют замечания о тяготении Бабеля к цикличности и наблюдения над некоторыми средствами художественной циклизации как в *Жанр-ми*, так и в *Одесских рассказах*. Жанрологическая проблематика заявлена уже в названии главы, в которой речь идёт о драматургии писателя, – "От драмы к трагедии". И здесь литературовед заинтересован вопросами жанровой природы, рассуждая о трактовке фабулы *Короля Лиры* в *Закате* или о сложных отношениях между Марией Бабеля и символисткой эстетикой, о сочетании в этой пьесе казалось бы, несовместимых на-

чал – трагического и пародийного. Вводя разговор в историко-генетическую плоскость и анализируя роль той или иной жанровой традиции, Ч. Андрушко не замыкается в узкожанровые границы, проявляя внимание и к взаимодействию разных жанров и разных родов литературы.

Следует сказать, что в монографии присутствуют и дают о себе знать оба исследовательских подхода: историко-генетический и структурно-аналитический. Пространственно-временная структура отдельных произведений писателя, его циклов и драм изучена с учётом того, сколь своеобразно оперировал Бабель художественным пространством и художественным временем. В плане диахронии вскрыто, на почве каких исторических и интеллектуальных реалии возникает писательская концепция этих двух "сущностных категорий".

Через всю книгу проходит и мысль о необычном отношении бабелевского творчества к фольклорным и литературным традициям. Это отношение проявляется как в плане усвоения тех или иных качеств разных культурных феноменов, так и в "расподоблении" с традицией, вызывающей не только притяжение, но и отталкивание. Традиции, питавшие творчество Бабеля в целом, были очень разными, и Ч. Андрушко в результате проведенных поисков, приходит к вполне обоснованному выводу, что творчество изучанного им писателя "вырастает на сложном переплетении русской, романской и еврейской культур".

Пожалуй, именно в вопросах жанра, повествовательной манеры и, наконец, причастности к тем или иным культурным традициям, книга Ч. Андрушко резко расширяет диапазон научных поисков в бабелеведении, помогая точнее понять корни своеобразия его прозы и драматургии. В отдельных фрагментах этой книги есть подчеркнутый поиск "символики чисел" либо прорастания давних мыслительных структур в произведения Бабеля, который – допус-

каю – может вызвать некоторую насто-роженность и желание возразить. Но и в таком случае можно взглянуть на под-обные рассуждения литературоведа как на удачный эвристический ход (приём), позволяющий приблизиться к более точному описанию содержательно-формальной структуры произведения.

Есть в монографии и немало частных удач – метких наблюдений, уточняющих формулировок. Это, к примеру замечания об аллегорической функции бабелевского сказа (с. 53) или наблюдение над спецификой взаимодействия легенды и анекдота – двух жанровых начал – в *Одесских рассказах*. Ч. Андрушко решительно порывает с традицией выводить орнаментализм прозы Бабеля из “бурных” революционных и послереволюционных лет как своеобразного исторического периода, традицией, приводящей к необходимости “втискивания” Бабеля в ряд различных, часто второразрядных советских писателей той поры.

Редкие неточности, встречающиеся в монографии, не нарушают общей концепции и легко устранимы при продолжении поисков и издании книги в расширенном виде. Так, героя рассказа *Эльга Исаакович и Маргарита Прокофьевна* зовут Эльга, а не Илья, (с. 6 и др.). Жившего в Средние века Маймонида вельзя назвать “древнееврейским философом” (с. 34); читателю со строгим историческим мышлением будет неясно словосочетание “со времён Филона и Маймонида” (с. 37), поскольку времена этих мыслителей разделяет более чем тысячелетняя дистанция. Некоторое недоумение вызывает упоминание о “еврейской литературе на русском языке” (с. 113). Держдрама (Госдрама) – не “киевский” (с. 89), а одесский украинский театр – один из двух одесских театров, поставивших *Закаат* в 1927 г. Впрочем, эти частные недочёты никак не снижают общего впечатления от вдумчивого и оригинального исследования.

Посвоему знаменательно, что труд Чеслава Андрушко увидел свет в преддверии 100-летия со дня рождения

И. Э. Бабеля, отмечаемого в 1994 г. Юбилей – не только сигнал для новых изданий произведений писателей, новых постановок его пьес. Это и определённая веха в развитии бабелеведения: завершилось время повторения общих мест о жизни и творчестве крупного мастера, пришла пора аналитически-углублённого изучения его наследия. Монография Чеслава Андрушко вносит в это дело серьёзный вклад.

Марк Соколянский, Любек

Krajka Wiesław: IZOLACJA I ETOS; STUDIUM O TWÓRCZOŚCI JOSEPHA CONRADA, Ossolineum 1988 (edycja polska).

Krajka Wiesław: ISOLATION AND ETHOS. East European Monographs, Columbia University Press. New York 1992 (edycja angielska).

Gdy bierze się do ręki kolejną monografię o Conradzie, niełatwo oprzeć się uprzedzeniu, że może to być jeszcze jedna książka sumująca dotychczasowe wyniki badań. Istotnie, w konradologii polskiej autor ten należy do najszerzej opracowanych pisarzy literatury obcej; wystarczy wymienić choćby powszechnie znane prace Najdera, Kocówny, Jabłkowskiej czy Mroczkowskiego. Są to obszerne monografie (choć i niektóre o charakterze popularnonaukowym) prezentujące drogę twórczą Conrada na tle jego biografii oraz związków z polską i europejską tradycją literacką. Studia te dają szczegółowy wgląd w całość życia i twórczości pisarza, a jednocześnie stroną poniekąd od spojrzenia z określonego punktu widzenia – obawiając się, jak gdyby, ryzyka zubożenia tak głębokich a zarazem nie do końca rozpoznanych treści. Proza Conrada nie daje się bowiem łatwo sparafrazować językiem klarownego światopoglądu